

С.В. Бурмагин

ТРЕБОВАНИЕ ЗАКОННОСТИ РЕШЕНИЙ УГОЛОВНОГО СУДА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Предъявляемое в уголовном процессе к приговору и иным решениям суда требование законности исследовано с позиции современного правопонимания. Рассмотрены правовые источники нормативных предписаний, которым должно соответствовать судебное решение. В историческом контексте проанализированы основные стороны (аспекты) требования законности судебных решений в уголовном процессе и сформулированы его содержательные компоненты. Выявлено несовершенство законодательного закрепления требования законности решений суда и предложены способы его оптимизации.

Ключевые слова: принцип законности; правосудие; судебное решение; приговор; требование законности судебных решений; нарушение закона.

Введение

В российской процессуальной науке законность признается неотъемлемым свойством приговора и иных судебных решений, образующим в совокупности с другими свойствами решений суда: обоснованностью, мотивированностью и справедливостью – систему взаимосвязанных условий, соблюдение которых обеспечивает вынесение судом правосудного решения [1. С. 7, 11; 2. С. 6, 15; 3. С. 53–54; 4. С. 88, 97; 5. С. 88–90, 112–113; 6. С. 52]. Требование законности выделяется в качестве конструктивного элемента правосудности уголовно-процессуальных решений суда ввиду его нормативной определенности (ст. 7, 297, 305, 307 УПК РФ) и распространяется на любые их виды.

Судебные решения наделяются свойством законности посредством выполнения (соблюдения) судом в ходе осуществления правосудия конкретно-определенных правовых требований, охватываемых понятием законности судебного акта. Являясь предъявляемым к судебному решению требованием и одним из условий его правосудности, законность изначально предстает в качестве идеального образа судебного решения («желаемого результата»), но будучи реализованным в конкретном судебном решении становится его внутренним свойством [7. С. 20].

Правовое требование законности судебного решения вытекает из принципа законности уголовного судопроизводства и полностью охватывается его содержанием. В свою очередь принцип законности уголовного процесса есть проявление таких социально-правовых реалий более общего порядка, объединенных единым термином «законность», как «принцип, режим и метод функционирования общества и государства, в основе которых лежит точное исполнение законов и подзаконных актов государственными органами, должностными лицами, общественными объединениями и гражданами» [8. С. 63].

Таким образом, законность как «общеправовой принцип, общеправовое требование, которому должна отвечать деятельность всех государственных органов и должностных лиц, юридических и физических лиц» [9. С. 101], распространяет свое действие на деятельность суда по осуществлению правосудия и обязывает суд при ведении уголовного производства строго следовать нормам права.

Обеспечение законности выносимых в процессе уголовного судопроизводства актов правосудия требует в первую очередь ясного и однозначного представления о содержании данного императивного требования, которое не имеет достаточно четкой и исчерпывающей регламентации в нормах УПК РФ. В связи с этим актуальной остается задача законодательного закрепления всех сторон и составных элементов правового требования законности применительно к уголовно-процессуальным актам суда. Для ее решения необходимо на доктринальном уровне точно определить характер и объем правовых предписаний, которым должны соответствовать принимаемые судом процессуальные решения, но прежде – уточнить правовые источники этих предписаний.

Современное доктринальное толкование понятия законности судебных решений

По мнению некоторых исследователей, употребление категории «законность» в качестве принципа судебного правоприменения (Р.Р. Рафиков) или для обозначения соответствующего свойства судебного решения (М.В. Беляев) изжило себя, не отвечает современным реалиям, поскольку неадекватно (искаженно и не в полной мере) отражает существо обозначаемых ею понятий.

Р.Р. Рафиков в связи с этим предлагает считать принципом судебного правоприменения не законность, традиционно означающую, по его мнению, лишь общеобязательность действующих юридических норм, их непереносное и строжайшее соблюдение независимо от их качества, а принцип «правозаконности», который тоже означает «строгое и неукоснительное проведение в жизнь юридических норм, но не любых, а, прежде всего и главным образом, начал гуманистического права, основных неотъемлемых прав человека, других связанных с ними правовых институтов и принципов» [10. С. 16]. При этом данный автор убежден, что понятие правозаконности «применительно к специфическим российским реалиям позволяет соединить и проводить две величайшие идеи: принцип господства права и принцип верховенства закона» [10. С. 17].

М.В. Беляев, в свою очередь, пришел к выводу, что «законность не вполне точно характеризует соот-

ветствующее свойство судебного решения, поскольку формально означает лишь соблюдение требований нормативно-правовых актов, что не охватывает всей совокупности правовых норм, регулирующих процесс принятия решения и его содержание», поэтому «теоретически обоснованным и практически необходимым представляется определение в качестве важнейшего свойства судебного решения его соответствие требованиям правовых норм (правовой характер судебного решения)» [5. С. 129].

Разделяя озабоченность указанных авторов преданием судебному правоприменению в целом и судебным решениям в частности большей правовой основательности и поддерживая их стремление подчеркнуть объективно необходимое соответствие судебных актов не только законодательным установлениям, но и иным формам права, тем не менее, не считаем остро необходимым устранение привычного понятия законности из характеристики судебных правоприменительных актов и его замену на предлагаемые «правозаконность» (Р.Р. Рафиков) либо «правовой характер судебного решения» (М.В. Беляев), так как, во-первых, проблема состоит не в терминологическом обозначении исследуемого требования (принципа), а в адекватности смыслового значения, вкладываемого в него доктриной и правоприменительной практикой, а во-вторых, предлагаемые указанными авторами формулировки не представляются безукоризненными с точки зрения удобочитаемости, ясности и точности передачи вложенного в них смысла.

На наш взгляд, термин «правозаконность» несет в себе некоторое противопоставление права и закона, что представляется принципиально неверным и при употреблении каждый раз требует разъяснений соотношения соединенных в нем понятий. Фраза «правовой характер судебного решения», как мы понимаем, буквально означает относимость судебного решения к правовым явлениям и подчеркивает его юридическое значение, поэтому использование словосочетания «правовой характер судебного решения» в придаваемом М.В. Беляевым смысле вынужденно сопровождается пояснением о «соответствии решения требованиям правовых норм», что удлиняет, хотя это, безусловно, дело вкуса, и без того не лаконичное название соответствующего свойства.

Безусловно, нельзя отрицать, что с началом судебного-правовой реформы (с конца 1980-х гг.) и на протяжении всего периода государственно-правовых преобразований современной России вследствие множества социально-политических, идеологических, правовых, мировоззренческих, культурологических и иных факторов, общеправовая категория законности обрела новые смыслы и наполнилась новым содержанием, выходящим за пределы сугубо легистского правовопонимания¹, преобладавшего в отечественной правовой науке и общественном правосознании [12. С. 6].

Согласно Конституции РФ 1993 г.², Россия – демократическое правовое государство (ч. 1. ст. 1), высшей ценностью в нем объявлены человек, его права и свободы (ст. 2), которые признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Кон-

ституцией РФ (ч. 1 ст. 17); права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (ст. 18), в связи с чем каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46); Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ, законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции, а общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, при этом правила международного договора имеют приоритет перед правилами, предусмотренными российским законом (ст. 15).

Последнее положение действует при условии, что международный договор не противоречит Конституции РФ. Согласно изменениям в Конституцию РФ, принятым на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г., не соответствующие Конституции РФ международные договоры РФ и признанные таковыми при их проверке Конституционным Судом РФ не подлежат введению в действие и применению (п. «г» ч. 2 и ч. 6 ст. 125 Конституции РФ).

Данным конституционным установлениям корреспондирует ст. 1 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 08.12.2020 г. № 419-ФЗ³), которая к источникам уголовно-процессуального права – законодательству РФ, регулиющему уголовное судопроизводство, относит Конституцию РФ, уголовно-процессуальный закон (УПК РФ), общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. При этом применение правил международных договоров РФ не допускается в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, когда такое противоречие установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом.

В согласовании и единстве с положениями ст. 1 УПК РФ следует понимать и закрепленное в ч. 4 ст. 7 и ст. 297 УПК РФ требование законности приговора и иных судебных решений, которое вслед за расширением границ права и правосудия доктринально стало трактоваться шире и более емко, включать в себя не только соответствие уголовно-процессуальных решений суда законам и подзаконным нормативно-правовым актам, но и другим правовым источникам, а в приоритете – положениям Конституции РФ и общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ [13. С. 14; 14. С. 6–7].

В соответствии с приведенными нормативно-правовыми предписаниями Верховный Суд РФ разъяснил, что а) судам при рассмотрении дел, в том числе уголовных, следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, соизмерять его с конституционными положениями и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия; б) под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и при-

знаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо, а под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного; в) международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе при разрешении уголовных дел, в частности, когда международным договором РФ установлены иные правила судопроизводства, чем уголовно-процессуальным законом РФ, или регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения; г) при осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ может являться основанием к отмене или изменению судебного акта в апелляционном, кассационном или надзорном порядках (п. 1, 5, 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в редакции от 03.03.2015 г.)).

Помимо прямо указанных в Конституции РФ и УПК РФ форм права, которыми судам надлежит непосредственно руководствоваться при осуществлении правосудия по уголовным делам, современный российский суд широко использует правоприменительные решения и интерпретационные акты (акты толкования права) Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. К этому его обязывают положения нормативно-правовых актов, устанавливающих обязательность для судов РФ решений ЕСПЧ⁴ и Конституционного Суда РФ (ст. 6 и 79 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в редакции от 09.11.2020 г.), а также полномочие Верховного Суда РФ давать судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (ст. 126 Конституции РФ, ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в редакции от 05.02.2014 г.; п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»).

При этом обязательность учета правовых позиций и толкований Верховного Суда РФ при осуществлении правосудия в настоящее время вытекает не столько из нормативных предписаний (упоминание о «руководящем» характере разъяснений Верховного Суда РФ в указанных законах отсутствует), сколько из правового обычая российско-советской действительности, который зиждется на иерархичности судебной системы и инстанционности правосудия [15. С. 60], а также на авторитете Верховного Суда РФ как высшего судебного органа государства.

Кроме того, как верно отмечают К.В. Барановский, А.В. Безруков и А.Г. Калугин, «законодательная ре-

гламентация уголовно-процессуальных отношений не является исчерпывающей, постоянно дополняется и корректируется решениями Конституционного Суда РФ, которые включаются в содержание отраслевых процессуальных норм, однако не всегда полностью и своевременно» [16. С. 68]. В таких условиях учет и непосредственное использование в судебном правоприменении правовых позиций Конституционного Суда РФ особо востребованы.

В сегодняшних правовых реалиях невозможно себе представить судебное правоприменение в процессе осуществления правосудия, в том числе по уголовным делам, без учета постановлений Конституционного Суда РФ, устанавливающих соответствие или несоответствие Конституции РФ отдельных положений российских законов и, следовательно, пределы их допустимого применения, а также без использования иных решений Конституционного и Верховного Судов РФ и содержащихся в них правовых позиций, раскрывающих смысл, содержание и юридическое значение тех или иных правоположений российского законодательства, подлежащих применению при разрешении конкретных судебных дел. Современная судебная практика по уголовным делам изобилует примерами обоснования судами своих процессуальных решений прямыми ссылками на конкретные решения высших судебных органов страны и содержащиеся в них правовые позиции.

Схожее значение для отправления правосудия, важнейшее с точки зрения правильного понимания и применения российскими судами положений европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) приобрела практика ЕСПЧ, в решениях которого раскрывается смысл и содержание прав и свобод человека, а также гарантий этих прав и осуществляется их динамическая интерпретация. В силу обязательности (принятых в отношении России) решений ЕСПЧ для российских судов, последние при рассмотрении конкретных уголовных дел обязаны учитывать даваемые ЕСПЧ толкования и интерпретации прав человека и основывать свои решения на правовых позициях, изложенных в постановлениях данного суда, ориентироваться на разработанные им стандарты соблюдения прав человека при осуществлении правосудия.

Верховный Суд РФ еще в 2003 г. указал, что применение судами Конвенции во избежание любого ее нарушения должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ (п. 9 и 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5). Принятое спустя десятилетие Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» побуждает суды при осуществлении правосудия активнее использовать решения ЕСПЧ. В этом документе Верховный Суд РФ ориентирует суды на то, что правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов и учитываются при применении российского законодательства.

В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством РФ, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого ЕСПЧ при применении Конвенции и Протоколов к ней (п. 2, 3 Постановления). Более того, Верховный Суд РФ призывает российские суды с целью эффективной защиты прав и свобод человека учитывать также правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в окончательных постановлениях, принятых в отношении других государств – участников Конвенции, если обстоятельства рассматриваемого ими дела аналогичны обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ (п. 2 Постановления).

Таким образом, несмотря на сохраняющуюся на доктринальном и законодательном уровнях неопределенность статуса решений ЕСПЧ как источника (формы) права, сомнения в судебной среде относительно прямого действия Конвенции и возможности непосредственного использования ее положений (в интерпретации ЕСПЧ) при отправлении правосудия практически развеяны. Практика осуществления правосудия по уголовным делам свидетельствует, что суды ориентируются на выработанные ЕСПЧ правовые позиции, заимствуют из его актов юридические формулировки, раскрывающие смысл и содержание того или иного положения Конвенции, и все чаще в своих решениях по уголовным делам ссылаются на конкретные прецеденты ЕСПЧ [17].

Вместе с тем следует заметить, что в настоящее время, в соответствии с внесенными в 2020 г. изменениями в ст. 79 Конституции РФ, судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, исполнению в Российской Федерации не подлежат. Это значит, что решения ЕСПЧ не имеют для России абсолютной юридической силы и могут быть «заблокированы» Конституционным Судом РФ (п. 6 ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ), если основаны на противоречащей Конституции РФ интерпретации конвенциональных прав и свобод человека либо налагают на Россию обязанности в противоречие основам публичного правопорядка Российской Федерации. Соответственно, проблема выбора для применения в судебном решении конфликтующих между собой правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ по одному и тому же вопросу должна решаться в пользу позиции последнего.

Не углубляясь в сложный и весьма дискуссионный вопрос о правотворческой сущности решений высших судов России и ЕСПЧ и юридической природе изложенных в них правовых позиций, отметим, что независимо от того, придается ли данным правовым актам значение источника (формы) права [18–21] или только «прецедента толкования права» [22. С. 110–111; 23. С. 227–228], «прецедента индивидуального судебного регулирования» [24], решения суда в уголовном судопроизводстве помимо норм позитивного права должны соответствовать актам (правовым позициям) указанных судебных органов и основываться на них. Без этого соответствия правосудность судебного решения не может быть обеспечена.

Из всего изложенного следует, что прежнее, ушедшее в прошлое буквальное понимание законности как требования соблюдения исключительно законодательных и подзаконных нормативных актов исчерпало свои социальные, теоретические и правовые основания, и уступило место новой признанной большинством юристов концепции законности.

Данный вывод подтверждается и результатами опросов работников уголовной юстиции. Согласно данным, полученным М.В. Беляевым, абсолютное большинство опрошенных (91,7% судей, 88,1% прокуроров, 95% адвокатов) подтвердили, что связывают законность судебного решения с соблюдением не только закона и нормативных актов, но и положений Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, а также с необходимостью учета при принятии судебных решений позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и ЕСПЧ [5. С. 119, 459]. Опрошенные И.Г. Смирновой судьи подтвердили, что постоянно руководствуются правовыми позициями Конституционного и Верховного судов РФ и в большинстве случаев (69,4 и 65,3% соответственно) мотивируют ими свои процессуальные решения, а также опираются на правовые позиции ЕСПЧ [25. С. 151].

Таким образом, обращенное к судебным решениям требование законности, сохраняя традиционное и привычное для юридической науки, процессуального законодательства и правоприменительной практики название, в современном его толковании означает соответствие решения суда требованиям правовых норм, т.е. не слепое, формальное следование указаниям закона, а их применение через широкое правописание в комплексе и через призму конституционных положений, правовых, в том числе общепризнанных, принципов и международных норм права, основополагающих прав и свобод человека.

Иначе говоря, в модернизированной парадигме российского правосудия законное судебное решение обрело значение *правомерного акта правосудия* (правомерный – «находящийся в соответствии с правом» [26. С. 355], «внутренне оправданный, закономерный, основанный на праве» [27. С. 498]), призванного обеспечить верховенство права и его защиту.

Содержательные компоненты законности решений уголовного суда: историческая преемственность и развитие

В теории уголовно-процессуального права законность судебных решений изначально (И.Я. Фойницкий) связывали с согласованностью «вынесенного судом ответа с законом по существу тех мер, которые устанавливаются судебным решением» («материальная законность») и с соблюдением того порядка, который установлен для постановления решений («формальная законность») [28. С. 342], хотя нормативно материальная и процессуальная стороны в требовании соблюдения закона не выделялись⁵. В основном в таких же аспектах законность судебного решения рассматривалась и трактовалась в советский период развития уголовного процесса, но главным обра-

зом в отношении приговора, что было обусловлено особенностями нормативно-правового регулирования уголовного судопроизводства тех лет.

В УПК РСФСР 1923 г. требование законности не было закреплено в отдельном предписании ни для приговора, ни для определений суда, но исходило из общих положений уголовно-процессуального закона, из установленных в УПК права на кассационное обжалование судебных решений (ст. 349) и обязанности кассационной инстанции рассмотреть по поданной жалобе все производство по делу в ревизионном порядке на предмет допущенных в ходе него нарушений закона (ст. 350 и 412), а также из оснований к отмене приговора (ст. 413, 415–416). Принятые Президиумом ЦИК СССР 31 октября 1924 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик в качестве оснований для отмены приговоров в кассационно-ревизионном порядке предусматривали: а) такое нарушение форм судопроизводства, которое помешало суду всесторонне рассмотреть дело и повлияло или могло повлиять на вынесение правильного приговора; б) нарушение или неправильное применение законов СССР или союзной республики, если при этом допущенная судом ошибка повлекла за собой назначение иной меры социальной защиты, нежели та, которая должна бы быть определена судом при правильном применении закона (ст. 26); а в порядке надзора – признанное надзорным судебным органом существенное нарушение форм судопроизводства или законов СССР или союзных республик (ст. 28).

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. (далее – Основы) в ст. 43, а вслед за ними и УПК РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР) в ст. 301 прямо установили требование законности приговора, но аналогичное требование к иным судебным решениям по-прежнему выводилось из норм общего действия (задач и принципов уголовного процесса – ст. 1, 2, 4, 8, 10, 17 Основ, ст. 1, 2, 4, 11–14, 16, 22 УПК РСФСР) и положений закона об обжаловании и основаниях отмены и изменения судебных решений в судах вышестоящих инстанций (ст. 49 Основ, ст. 325, 331, 342, 345–347, 350, 371, 379, 478, 486, 496, 498, 499 УПК РСФСР).

Сообразно состоянию правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности вплоть до конца прошлого столетия большинство ученых под законностью приговора понимали требование вынесения приговора с точным соблюдением всех норм (предписаний) уголовно-процессуального законодательства и с правильным применением материального права, т.е. постановления приговора на основе закона и в порядке, установленном законом [30. С. 10; 31. С. 15; 32. С. 191–200; 33. С. 325]. В ряде научных работ аналогичное по смыслу требование законности, взятое в единстве его двух сторон: материального (на основании закона) и формального (в установленном законом порядке), было приложено и к иным процессуальным, в том числе судебным, решениям [34. С. 1194; 35. С. 36; 36. С. 12; 37. С. 36].

В этот же период в юридическом правосознании утверждается идея о том, что вследствие системности уголовного судопроизводства и процедурной взаимо-

связи его стадий и этапов законность судебного решения (приговора) обеспечивается не только соблюдением процессуальной формы его вынесения, но обусловлена законностью предваряющей решение деятельности по его подготовке и принятию [35. С. 36] и, более того, всего предшествующего производства по делу, включая его возбуждение, расследование и судебное рассмотрение [38. С. 118, 121].

Выработке и закреплению в теории и судебной практике такого диалектического подхода к пониманию свойства законности (правомерности) судебного решения способствовало совокупное толкование в судебной практике понятия «существенное нарушение уголовно-процессуального закона» как основания отмены или изменения приговора (равно как и иного судебного решения), предусмотренного ст. 345 УПК РСФСР, в сочетании с таким основанием возвращения дела судом для дополнительного расследования, как «существенное нарушение уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия» (п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР).

Верховные Суды СССР, РСФСР, а затем и РФ, давая разъяснения относительно существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора, включали в их примерный перечень и нарушения, свойственные органам расследования – непредъявление обвинения, невручение копии обвинительного заключения, непроведение экспертизы, когда она по закону обязательна, и другие⁶. Указанные высшие судебные органы страны также призывали суды при производстве по уголовному делу тщательно проверять соблюдение органами дознания и предварительного следствия требований уголовно-процессуального закона при возбуждении и расследовании дела, ориентировали судебные органы на нарушения закона, наличие которых препятствует судебному разбирательству, а устранение требует направления дела на дополнительное расследование⁷.

В период действия УПК РСФСР правоприменительная практика судов по вопросу оценки законности приговора и иных судебных решений сформировалась и в дальнейшем основывалась на постулате о том, что существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные органом предварительного расследования или прокурором, в равной мере, как и существенные нарушения процессуальных норм судом, препятствуют вынесению законного акта правосудия, поэтому должны быть по возможности исправлены (преодолены) в ходе производства в суде первой инстанции либо, если характер процессуального нарушения этого не позволяет, устранены самим органом предварительного расследования или прокурором после возвращения дела на дополнительное расследование [39. С. 293–295, 414–419; 40].

Выработанные в советский период подходы к определению законности актов правосудия через единство материальной и формальной (процессуальной) сторон и посредством включения в структуру ее «процессуальной» составляющей в качестве обязательного компонента соблюдение процессуальной формы на всем протяжении предшествующего уголовного производства закрепились в российской уго-

ловно-процессуальной науке [14. С. 6–7; 41. С. 9; 42. С. 205; 43. С. 14; 44. С. 190–191] и получили дальнейшее развитие, в том числе в законодательстве и правоприменительной практике.

Нормативно-правовое закрепление требования законности судебных решений нуждается в дальнейшем совершенствовании

Действующий УПК РФ в отличие от предыдущих уголовно-процессуальных законов распространяет требование законности на все судебные решения без исключения (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 297) и уточняет, что приговор признается законным, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона (ч. 2 ст. 297). Последнее положение ценно тем, что в нем законодатель впервые попытался раскрыть нормативное понятие законности приговора, соединив в нем материальный и процессуальный аспекты, но в то же время оно содержит в себе и существенный недостаток – материальная сторона законности приговора в данной формулировке ограничивается соответствием нормам уголовного права, тогда как при разрешении всей совокупности вопросов уголовного дела (как основного, так и сопутствующих) суду помимо уголовного закона доводится применять нормы практически всех иных (материальных) отраслей права. Более того, те или иные положения материальных законов могут быть положены в основание принятия и других, помимо приговора, актов уголовного правосудия. Например, без учета и применения гражданского законодательства в части имущественных прав невозможно принять верное решение по такому, казалось бы, сугубо процессуальному вопросу, как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), а принятие решений по судебно-исполнительным производствам в ряде случаев (п. 3, 14, 18, 18.1, 19 ст. 397 УПК РФ) сопряжено с применением уголовно-исполнительного законодательства.

Другое, связанное с изложенным законодательное упущение, перекочевавшее из предыдущего уголовно-процессуального закона (ст. 342 УПК РСФСР), усматривается в отсутствии в перечне предусмотренных ст. 389.12 УПК РФ оснований пересмотра решений суда первой инстанции неправильного применения иных материальных законов, помимо уголовного. Не предусмотрено такого основания и для отмены (изменения) судебного решения в кассационном и надзорном порядках (ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Если следовать формальному, буквальному толкованию указанных норм, то неприменение или неверное применение иного материального закона, например по вопросам имущественных взысканий (по иску, некоторым видам процессуальных издержек), не влияет на законность приговора. В действительности подобное нарушение не может быть легализовано и на практике влечет отмену или изменение судебного приговора, несмотря на отсутствие в процессуальном законе необходимого указания. Иное положение невозможно представить, поскольку оно извращало бы саму суть судебного правоприменения, противоречи-

ло бы правозащитным целям уголовного правосудия и предназначению судебной власти.

Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отменен в части удовлетворения гражданского иска приговор Челябинского областного суда в отношении осужденных Мезенцева, Похлебаева, Плотникова и Бахарева ввиду того, что в нарушение ч. 1 ст. 1080 ГК РФ компенсация морального вреда в солидарном порядке возложена не только на осужденных, но и на законного представителя несовершеннолетнего Бахарева, тогда как он, не являясь непосредственным причинителем вреда, не может нести солидарную с причинителями вреда ответственность, а только долевую⁸.

Приговором Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга гр-н К. осужден по ч. 3 ст. 264 УК РФ, в пользу территориального фонда обязательного медицинского страхования по иску прокурора взыскано 223 661,1 руб. в качестве возмещения расходов на лечение потерпевшего. Судебная коллегия по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда, отменяя приговор в части данного взыскания, указала, что у суда отсутствовали материально-правовые основания для удовлетворения иска прокурора, поскольку вред здоровью потерпевшей причинен неосторожными действиями осужденного, а по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. № 4409-VIII «О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий» взысканию с осужденного в доход государства подлежат лишь средства, затраченные на стационарное лечение пострадавших, вред здоровью которым причинен умышленно⁹.

Президиум Самарского областного суда своим постановлением изменил приговор мирового судьи в отношении осужденной по ч. 1 ст. 159.1 УК РФ гр-ки С., которым удовлетворен гражданский иск в пользу коммерческой организации о взыскании имущественного вреда, а в доход государства с осужденной взыскана государственная пошлина в соответствующем размере. Суд кассационной инстанции, исключая из приговора решение о взыскании госпошлины, указал, что действующее законодательство о налогах и сборах взимание госпошлины при производстве по уголовному делу не предусматривает¹⁰.

Примечательно, что во всех приведенных и других аналогичных примерах суд вышестоящей инстанции не приводит юридическое (процессуальное) основание отмены (изменения) проверяемого приговора из числа предусмотренных уголовно-процессуальным законом и не ссылается на конкретные нормы УПК РФ, предусматривающие эти основания, что вполне объяснимо: ни одно из них не подходит к указанным случаям нарушения закона. Налицо явный пробел нормативно-правового регулирования, который длительное время компенсируется правоприменительными решениями судебных органов, т.е. судебной практикой, но очевидно требует правотворческого начинания и четкого законодательного решения.

Другой проблемный вопрос, непосредственно связанный с определением содержательной стороны законности судебного решения, возник вследствие не-

достаточной регламентации полномочий судов всех инстанций по реагированию на выявленные в уголовном деле нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в досудебном производстве. Полностью ликвидировав при принятии УПК РФ институт возвращения уголовных дел на дополнительное расследование, законодатель не учел сложившуюся к этому времени устойчивую парадигму законности актов правосудия и не обеспечил в новом уголовно-процессуальном законе действенного механизма устранения судом процессуальных ошибок и нарушений со стороны органов уголовного преследования. Судебная процедура возвращения уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, пришедшая на смену упраздненному институту возвращения дела для дополнительного расследования, содержит неоправданно ограниченный перечень процессуальных препятствий судебному рассмотрению дела, служащих основанием для возвращения дела прокурору.

Ситуацию, как известно, исправили сами органы правосудия благодаря правовым позициям Конституционного Суда РФ, позволившим использовать широкое толкование оснований и процессуальных границ применения процедуры, предусмотренной ст. 237 УПК РФ [45]. В 2003 г. Конституционный Суд РФ, подтвердив, что существенное процессуальное нарушение, допущенное органами дознания или предварительного следствия, которое суд не может устранить самостоятельно и которое, как повлекшее лишение или стеснение гарантируемых законом прав участников уголовного судопроизводства, исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора, являясь препятствием для рассмотрения дела судом, в Постановлении № 2-П¹¹ констатировал соответствие Конституции РФ положений п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР, допускавших возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, если это не связано с восполнением неполноты предварительного расследования, а затем в Постановлении № 18-П¹² признал не противоречащей Конституции РФ и ч. 1 ст. 237 УПК РФ, растолковав при этом, что ее положения по своему конституционно-правовому смыслу не исключают право суда вернуть дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия.

Исходя из выявленного Конституционным Судом РФ правового смысла ч. 1 ст. 237 УПК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в ряде постановлений последовательно разъясняет, что на основе указанной нормы закона суд любой инстанции в целях обеспечения законности правосудия вправе, в том числе по собственной инициативе, вернуть уголовное дело прокурору для устранения нарушений процессуального закона, допущенных в досудебном производстве и не устранимых судом¹³. В результате судебная практика, преодолев указанный недостаток правовой регламентации обо-

значенного вопроса, на протяжении последних лет демонстрирует стабильность в обозначенном вопросе и выглядит достаточно предсказуемой, базируется на непреложном правиле недопустимости сохранения в деле процессуальных огрехов и нарушений органов предварительного расследования и их перерастания в ошибки и нарушения органов правосудия, ориентирована на разработанные ранее понятие и критерии ответственности процессуальных нарушений. Тем не менее по-прежнему считаем целесообразным в целях более четкой правовой регламентации уголовно-процессуальных полномочий суда дополнить ч. 1 ст. 237 УПК РФ указанием в качестве отдельного или общего с п. 1, 2 и 5 основания возвращения дела прокурору на «допущенные в ходе досудебного производства по делу и не устранимые в суде существенные нарушения уголовно-процессуального закона, препятствующие рассмотрению дела и исключающие возможность постановления судом правосудного приговора или иного решения».

Исследуя процессуальный аспект законности (правомерности) судебных решений, невозможно обойти вниманием заложенное в законе и связанное с рассмотренным понятием существенности процессуальных нарушений некое противоречие между требованием «сплошной законности» уголовно-процессуальной деятельности, вытекающим из общеправового принципа законности и диктующим строгое и безоговорочное соблюдение в уголовном судопроизводстве всех без исключения установленных законом процедурных правил и нормативных предписаний, и превалирующим в реальности концептом «достаточной законности» судебных решений, который обусловлен ограниченными основаниями отмены или изменения судебных решений, предусмотренными в ст. 389.15–389.17 УПК РФ.

В отношении материальной стороны законности судебного решения такого противоречия не наблюдается (ст. 389.18 УПК РФ). Как свидетельствует судебная практика, любая ошибка в применении норм материального (чаще – уголовного) права, самое незначительное отклонение от положений уголовного или иного подлежащего применению закона влекут отмену, изменение приговора или иного судебного акта в части принятых резолютивных решений и (или) корректировку формулировок описательно-мотивировочной части. В этом случае законность (правомерность) противопоставлена незаконности (противоправности) и никаких промежуточных положений между этими противоположностями не существует.

При оценке законности (правомерности) судебного решения с точки зрения соблюдения норм уголовно-процессуального права дело обстоит иначе, сложнее. Положения п. 2 ст. 389.15 и ст. 389.17 УПК РФ дают основание вмешиваться в судебное решение при наличии не любых, а только существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе производства по делу, под которыми понимаются такие нарушения процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или

иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. При этом закон разделяет значимые для оценки законности–незаконности судебных решений нарушения процессуальных требований: а) на условные, подлежащие оценке контрольно-проверочной судебной инстанцией на предмет отнесения их к существенным с учетом конкретных обстоятельств их совершения (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ), и б) безусловные, являющиеся критичными для правомерности судебных решений в любом случае, поэтому изначально отнесенные законодателем к категории существенных (ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

При таком положении создается иллюзия, что в правосудии по уголовным делам допустимы, поскольку не влекут уголовно-процессуальных санкций, определенные отступления от процедуры судопроизводства, и может возникнуть сомнение, является ли судебное решение, которое предваряется такими «несущественными» нарушениями уголовно-процессуального закона, в полной мере законным. Так, М.В. Беляев, исходя из выдвинутого им тезиса о том, что «соблюдение правовых предписаний в ходе предшествующей принятию судебного решения процессуальной деятельности носит относительный характер», не соглашается с позицией других авторов, определяющих законность приговора как постановление его в точном соответствии с правовыми принципами и нормами, и делает ошибочное, на наш взгляд, заключение о том, что «требование соответствия судебных решений правовым предписаниям не носит абсолютного характера» и в ряде случаев «формальное несоответствие судебного решения предписаниям правовых норм не означает, что оно не носит правового характера» [5. С. 128–129].

Очевидно, что никакие нарушения права в процессе деятельности по осуществлению правосудия не совместимы с его правозащитными целями и стоящими перед судом задачами, поэтому не могут быть легализованы ни при каких условиях. Всякое, даже незначительное нарушение нормативно установленных процедурных правил и условий, исходящее от суда или не устраненное судом (в случае допущения его в досудебных стадиях производства по делу), не может расцениваться иначе как противоправное действие (бездействие), даже если оно было чисто формальным, не вызвало никаких негативных последствий и не отразилось на законности принятого судом решения. Соответственно, не может быть приемлемым для судебной власти и допущение в какой-либо степени «условно законных» решений.

Следует отметить, что любое нарушение процессуального порядка вынесения решения, т.е. несоблюдение процедуры его принятия и документального оформления, всегда будет значимым и считаться существенным, поскольку непосредственно затрагивает процессуальную форму судебного решения. Примеры: решение принято без удаления в совещательную комнату либо оглашено частично при отсутствии предусмотренных в ч. 7 ст. 241 УПК РФ условий; вынесенное и провозглашенное решение не подписано одним из судей; судебный акт озаглавлен постановле-

нием вместо положенного определения либо не содержит дату его принятия; в приговоре неверно указана (искажена) фамилия осужденного или время и место его рождения. Во всех подобных случаях порочное решение суда подлежит отмене либо, насколько это возможно, исправлению в предусмотренных законом порядках посредством изменения вышестоящей судебной инстанцией или путем уточнения вынесшим его судом (п. 15 ст. 397, ст. 399 УПК РФ).

Несущественными могут признаваться только предшествующие принятию решения нарушения требований УПК РФ, в том числе в досудебном производстве, и только такие, которые *не влияют и не могут повлиять на законность и обоснованность конкретного судебного решения*. Противоправность таких действий (нарушений) «не переносится» на судебное решение, последнее по этой причине не утрачивает качества правомерности. Это возможно в тех случаях, когда порочное действие или неверное (ошибочное) вспомогательное (промежуточное) решение не имеет никакого или не оказывает существенного негативного влияния на формирование фактической основы судебного решения и не задействовано иным образом в механизме принятия акта правосудия. Пример: несоблюдение установленного срока представления следователем в суд ходатайства о заключении лица под стражу и прилагаемых к нему материалов (ч. 3 ст. 108 УПК РФ) или 8-часового срока рассмотрения данного ходатайства судьей (ч. 4 ст. 108 УПК РФ).

В подобной ситуации уместно высказываться не о «формальном несоответствии (признаваемого законным) судебного решения предписаниям правовых норм», а только о формальном, несущественном для принятия и правомерности судебного решения, отклонении процессуальной деятельности от нормативных предписания (правил). При этом сами процедурные нарушения, квалифицируемые как несущественные, не остаются вне правового реагирования и подлежат негативной оценке в иных правовых формах, например, в частных постановлениях (определениях) судов любой из инстанций, и способны повлечь меры дисциплинарной ответственности должностных лиц, в том числе судей, допустивших эти нарушения.

Заключение

Являясь в своей сущности правоприменительной деятельностью, правосудие по уголовным делам должно неизменно следовать принципу законности во всех своих проявлениях и прежде всего при принятии судом процессуальных решений. Требование законности в современной, научно обоснованной интерпретации означает точное соответствие уголовно-процессуальных решений суда не только законодательным установлениям, но и иным правовым предписаниям, содержащимся в иных формах права (конституционных нормах, общепризнанных принципах и нормах международного права, устоявшихся правовых обычаях и стандартах правосудия), а также выработанным судебной практикой правовым позициям по конкретным вопросам правоприменения, их широкое и комплексное восприятие, понимание и применение судом.

Обобщив проанализированные доктринальные положения, нормативно-правовые предписания и судебную практику, приходим к заключению, что *законность (правомерность) судебного решения* как императивное требование уголовного судопроизводства имеет две стороны: материальную и формальную (процессуальную) – и содержательно включает в себя следующие компоненты – обязательные условия:

– вынесение решения компетентным судом, созданным на основании закона;

– законность предшествующего производства по делу в пределах, исключающих существенные нарушения уголовного процессуального закона;

– использование правомерных средств и способов установления фактических обстоятельств дела (допустимость и достоверность доказательств);

– наличие в деле предусмотренных законом юридических оснований принятия решения;

– правильное применение норм материального и (или) процессуального права;

– соблюдение нормативно установленной процедуры и процессуально-правовых условий вынесения решения;

– надлежащее документальное оформление принятого решения (внешняя форма, структура, реквизиты, подписи).

В целях более точного отражения (закрепления) в УПК РФ перечисленных аспектов законности судебных решений необходимо: 1) дополнить ст. 237 УПК РФ отдельным основанием возвращения дела прокурору, под которым указать наличие допущенного органом предварительного расследования существенного нарушения уголовно-процессуального закона, исключающего возможность рассмотрения дела и вынесения судом приговора или иного решения; 2) уточнить ч. 2 ст. 297 УПК РФ в части того, что приговор должен быть основан на правильном применении не только уголовного, но и иного материального закона; 3) придать закрепленным в отношении приговора требованиям «материальной» и «процессуальной» законности универсальный характер и распространить их на все иные решения суда в уголовном процессе; 4) скорректировать предусмотренное п. 6 ст. 389.15 и ст. 389.18 УПК РФ основание отмены (изменения) судебного решения, указав в этом качестве неправильное применение любого, а не только уголовного, закона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Легистский тип правопонимания традиционно сводит по существу все право к «законодательству» – законам и иным нормативно-правовым актам, принятым органами государственной власти [11. С. 24].

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 г. опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

³ Федеральный закон от 08.12.2020 Г. № 419-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8064.

⁴ Обязательность для российских судов предписаний и правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, вытекает из ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

⁵ Статья 10 Устава уголовного судопроизводства 1964 г. предписывала всем судебным установлениям «решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов» [29].

⁶ См.: п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17.12.1971 г. № 10 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» (в редакции от 01.12.1983 г.); п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 05.04.1985 г. № 2 «О применении судами законодательства, регламентирующего пересмотр в порядке надзора приговоров, определений, постановлений по уголовным делам»; п. 15 Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.08.1988 г. № 5 «О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел»; п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» (в редакции от 01.12.2015 г.).

⁷ См.: п. 1 и 7 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 17.04.1984 г. № 2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно - процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования»; п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30.11.1990 г. № 10 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел на дополнительное расследование»; п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.12.1999 г. № 84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования».

⁸ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.06.2007 по делу № 48-О07-35 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 26.07.2017 г. № 22-5247/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Президиума Самарского областного суда от 02.04.2015 № 44у-51/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2003 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова, А.В. Шмелева» // СЗ РФ. 2003. № 12. Ст. 1176.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

¹³ См. п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 г. № 1 «О применении судами норм УПК РФ» (ред. от 01.06.2017 г.) – *в настоящее время утратил силу*; п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (ред. от 15.05.2018 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев И.Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1992. 21 с.
2. Гай О.Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.
3. Чайковская М.А. Свойства приговора. М. : Проспект, 2013. 176 с.

4. Попова И.П. Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2018. 321 с.
5. Беляев М.В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 472 с.
6. Корнакова С.В., Щербakov В.А. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2019. 144 с.
7. Коваленко Е.Н. Судебное решение : Теоретико-методологические и технико-юридические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 26 с.
8. Хачатуров Р.Л. О законности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 3 (6). С. 59–63.
9. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 168 с.
10. Рафиков Р.Р. Судебное правоприменение: Теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 20 с.
11. Ершов В.В. Право и неправое: дискуссионные вопросы теории и практики // Российское правосудие. 2013. № 1. С. 24–31.
12. Ершов В.В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиции легизма и «широкого» понимания права // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 5–16.
13. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 26 с.
14. Остапенко И.А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 21 с.
15. Дорошков В.В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 57–60.
16. Барановский К.В., Безруков А.В., Калугин А.Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на уголовно-процессуальное законодательство и практику // Журнал российского права. 2007. № 11. С. 56–68.
17. Бурмагин С.В. Проблемы применения решений Европейского суда по правам человека при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 299–309.
18. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 49–57.
19. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–12.
20. Терёхин В.А. К вопросу о легализации судебной практики как источника права // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3. С. 142–143.
21. Смолькова И.В., Преловский И.О. Значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации для уголовного судопроизводства // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 5. С. 870–878.
22. Нерсисянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права : сб. ст. М. : Юрист, 2000. С. 107–112.
23. Байтин М.И. О юридической природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Судебное правоприменение : проблемы теории и практики / ред. В.М. Сырых. М. : РАП, 2007. С. 220–222.
24. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4. С. 4–23.
25. Смирнова И.Г. К вопросу о социальной роли Европейского суда по правам человека в уголовном судопроизводстве // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 5. С. 149–153.
26. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 3. П–Р. 1987. 752 с.
27. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1985. 797 с.
28. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. М. : Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.
29. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 8. Судебная реформа. М. : Юрид. лит., 1991. 496 с.
30. Каз Ц.М. Правовая природа приговора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1952. 21 с.
31. Пашкевич П.Ф. Законность и обоснованность приговора судебного приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958. 20 с.
32. Перлов И.Д. Приговор в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1960. 262 с.
33. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М. : Наука, 1970. 516 с.
34. Бажанов М.И. Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967 // Бажанов М.И. Избранные труды / отв. ред. В. Я. Тацкий. Харьков : Право, 2012. С. 1191–1209.
35. Лупинская П.А. Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. 42 с.
36. Бутов В.Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 20 с.
37. Муратова Н.Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. 118 с.
38. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков : Вища школа, 1979. 143 с.
39. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. М. : Юрид. лит., 1981. 536 с.
40. Бурмагин С.В. Направление уголовных дел для дополнительного расследования в условиях развития состязательности судопроизводства (обзор судебной практики районных судов Архангельской области) // Юридическая практика: Информационный бюллетень. 2002. № 1 (28). С. 33–65; № 2 (29). С. 79–94.
41. Ивенский А.И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядках судебного разбирательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 20 с.
42. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М. : Норма; Инфра-М, 2010. 240 с.
43. Бозров В.М., Костовская Н.В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. М. : Юрлитинформ, 2013. 160 с.
44. Рябинина Т.К. Полномочия суда на стадии назначения судебного заседания как средства реализации судебной власти. М. : Юрлитинформ, 2017. 336 с.
45. Бурмагин С.В. Возвращение уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (комментарий судебной практики) // Российская юстиция. 2005. № 1–2. С. 59–73.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 октября 2020 г.

The Requirement of Legality of Decisions of the Criminal Court: The Legal Basis and Content Components

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 213–224.

DOI: 10.17223/15617793/466/26

Sergey V. Burmagin, Northern Institute of Entrepreneurship (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: serburmagin@yandex.ru

Keywords: principle of legality; criminal justice; judicial decision; sentence; requirement of legality of judicial decisions; violation of law.

Legality as a complex legal requirement to judicial decisions, developed for a long time by Russian science and legal practice, was formally consolidated in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2001 and extended to all decisions of the criminal court. However, the wording of the law does not fully and adequately reflect the content of this requirement, and to some extent it contradicts the established scientific ideas and needs of judicial practice. In this regard, the author aims to reveal the content side of the concept of legality of judicial decisions in criminal proceedings, both from a historical perspective and from the perspective of modern legal understanding, and to justify the need to adjust the legislative expression of this requirement. The research problems are solved using historical, dialectical and comparative legal methods of cognition based on the analysis of relevant theoretical concepts developed by the Russian science of criminal procedure law, the provisions of criminal procedure legislation and the legal positions of the judicial authorities: the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, federal courts of general jurisdiction. The legal sources of regulatory requirements that the criminal court should follow when making procedural decisions have been identified. The author substantiates the need for an expanded understanding of the legality of judicial decisions as their compliance not only with direct instructions of the law, but also with legal provisions contained in other forms of law: constitutional norms, generally recognized principles and norms of international law, established legal customs, as well as standards of justice developed by judicial practice and legal positions on specific issues of law enforcement. In the context of historical development, the material and procedural aspects of the requirement of legality of judicial decisions in criminal proceedings are analyzed and its content components are formulated. Continuity and at the same time dynamism of doctrinal and legislative approaches to determining the legality of court decisions supported by judicial practice are noted. Certain shortcomings of the normative consolidation of the requirement of legality of court decisions in the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation are revealed, in connection with which specific proposals are made to change and optimize certain formulations of the procedural law that determine the content of the requirement of legality of a sentence and other court decisions in criminal proceedings.

REFERENCES

1. Solov'ev, I.F. (1992) *Pravosudnost' prigovora v ugovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii* [Justice of the verdict in the criminal procedure of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Voronezh.
2. Gay, O.Yu. (1999) *Zakonnaya sila prigovora v ugovnom protsesse* [Legal force of the verdict in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
3. Chaykovskaya, M.A. (2013) *Svoystva prigovora* [The properties of the verdict]. Moscow: Prospekt.
4. Popova, I.P. (2018) *Obvinitel'nyy prigovor bez naznacheniya nakazaniya v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve: sushchnost', osnovaniya i poryadok postanovleniya* [A verdict of guilty without sentencing in Russian criminal proceedings: essence, grounds and order of issuing]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
5. Belyaev, M.V. (2019) *Sudebnye resheniya v rossiyskom ugovnom protsesse: teoreticheskie osnovy, zakonodatel'stvo i praktika* [Judgments in Russian Criminal Procedure: Theoretical Foundations, Legislation and Practice]. Law Dr. Diss. Moscow.
6. Kornakova, S.V. & Shcherbakov, V.A. (2019) *Problemy realizatsii printsipa spravedlivosti v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve*. Moscow: Yurlitinform.
7. Kovalenko, E.N. (2009) *Sudebnoe reshenie: Teoretiko-metodologicheskie i tekhniko-yuridicheskie aspekty* [Judgment: Theoretical-methodological and technical-legal aspects]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
8. Khachaturov, R.L. (2009) *O zakonnosti* [On legality]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (6). pp. 59–63.
9. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Ponyatie, naznachenie, differentsiatsiya ugovnogo protsessa. Printsipy ugovnogo sudoproizvodstva* [Concept, purpose, differentiation of criminal procedure. Principles of criminal proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Rafikov, R.R. (2006) *Sudebnoe pravoprimenenie: Teoretiko-pravovoy analiz* [Judicial law enforcement: Theoretical and legal analysis]. Abstract of Law Cand. Diss. N. Novgorod.
11. Ershov, V.V. (2013) *Pravo i nepravo: diskussionnye voprosy teorii i praktiki* [Right and wrong: debatable issues of theory and practice]. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 1. pp. 24–31.
12. Ershov, V.V. (2011) *Pravosudie, pravoponimanie i pravotvorchestvo v usloviyakh globalizatsii s pozitsii legizma i "shirokogo" ponimaniya prava* [Justice, legal thinking and lawmaking in the context of globalization from the standpoint of legalism and a "broad" understanding of law]. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 12. pp. 5–16.
13. Bunina, A.V. (2005) *Prigovor suda kak akt pravosudiya. Ego svoystva* [The verdict of the court as an act of justice. Its properties]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Ostapenko, I.A. (2007) *Prigovor kak itogovoe reshenie po ugovnomu delu* [The verdict as a final decision in a criminal case]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladimir.
15. Doroshkov, V.V. (2016) *Strategiya razvitiya sovremennogo ugovnogo sudoproizvodstva* [Modern criminal justice development strategy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 57–60.
16. Baranovskiy, K.V., Bezrukov, A.V. & Kalugin, A.G. (2007) *Vliyanie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda RF na ugovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo i praktiku* [The influence of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on criminal procedure legislation and practice]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 11. pp. 56–68.
17. Burmagin, S.V. (2018) *Problemy primeneniya resheniy Evropeyskogo suda po pravam cheloveka pri rassmotrenii ugovnykh del sudami Rossiyskoy Federatsii* [Problems of the application of decisions of the European Court of Human Rights in the consideration of criminal cases by the courts of the Russian Federation]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 12 (2). pp. 299–309.
18. Livshits, R.Z. (1997) *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 6. pp. 49–57.
19. Ebzeev, B.S. (1998) *Tolkovanie Konstitutsii Konstitutsionnym Sudom RF: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical and practical problems]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 5–12.
20. Terekhin, V.A. (2011) *On the legalization of judicial practice as a source of law. Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 3. pp. 142–143. (In Russian).
21. Smol'kova, I.V. & Prelovskiy, I.O. (2015) *Znachenie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii dlya ugovnogo sudoproizvodstva* [The value of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation for criminal proceedings]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. 25 (5). pp. 870–878.
22. Nersesyants, V.S. (2000) *U rossiyskikh sudov net pravotvorcheskikh polnomochiy* [Russian courts do not have law-making powers]. In: *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Judicial practice as a source of law]. Moscow: Yurist. pp. 107–112.
23. Baytin, M.I. (2007) *O yuridicheskoy prirode resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [On the legal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. In: Syrykh, V.M. (ed.) *Sudebnoe pravoprimenenie: problemy teorii i praktiki* [Judicial law enforcement: problems of theory and practice]. Moscow: RAP. pp. 220–222.

24. Ershov, V.V. (2013) Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy kak parnye kategorii [Legal and individual regulation of public relations as paired categories]. *Rossiyskoe pravosudie – Russian Justice*. 4. pp. 4–23.
25. Smirnova, I.G. (2011) K voprosu o sotsial'noy roli Evropeyskogo suda po pravam cheloveka v ugovnom sudoproizvodstve [On the social role of the European Court of Human Rights in criminal proceedings]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. 5. pp. 149–153.
26. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Rus. yaz.
27. Ozhegov, S.I. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
28. Foynitskiy, I.Ya. (1996) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Proceedings Course]. Vol. 2. Moscow: Al'fa.
29. Chistyakov, O.I. (ed.) (1991) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes]. Vol. 8. Moscow: Yurid. lit.
30. Kaz, Ts.M. (1952) *Pravovaya priroda prigovora v sovetskom ugovnom protsesse* [The legal nature of the sentence in the Soviet criminal procedure]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
31. Pashkevich, P.F. (1958) *Zakonnost' i obosnovannost' prigovora sudebnogo prigovora* [The legality and validity of the court verdict]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
32. Perlov, I.D. (1960) *Prigovor v sovetskom ugovnom protsesse* [The verdict in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Gosyurizdat.
33. Strogovich, M.S. (1970) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsesa* [The course of the Soviet criminal procedure]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
34. Bazhanov, M.I. (2012) *Zakonnost' i obosnovannost' osnovnykh sudebnykh aktov v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve*: avtoref. dis. ... d-ra yurid. n. Khar'kov, 1967 [Legality and validity of the main judicial acts in the Soviet criminal proceedings. Abstract of Law Dr. Diss. Kharkiv, 1967]. In: Tatsiy, V.Ya. (ed.) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Kharkiv: Pravo. pp. 1191–1209.
35. Lupinskaya, P.A. (1973) *Teoreticheskie osnovy prinyatiya resheniy v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve* [Theoretical foundations of decision-making in Soviet criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
36. Butov, V.N. (1975) *Opredeleniya suda pervoy instantsii po ugovnym delam* [Rulings of the court of first instance in criminal cases]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
37. Muratova, N.G. (1989) *Protsessual'nye akty organov predvaritel'nogo rassledovaniya: Voprosy teorii i praktiki* [Procedural acts of bodies of preliminary investigation: Issues of theory and practice]. Kazan: Kazan State University.
38. Groshevoy, Yu.M. (1979) *Sushchnost' sudebnykh resheniy v sovetskom ugovnom protsesse* [The essence of court decisions in the Soviet criminal procedure]. Kharkiv: Vishcha shkola.
39. Rekunkov, A.M. & Orlov, A.K. (eds) (1981) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
40. Burmagin, S.V. (2002) *Napravlenie ugovnykh del dlya dopolnitel'nogo rassledovaniya v usloviyakh razvitiya sostyazatel'nosti sudoproizvodstva (obzor sudebnoy praktiki rayonnykh sudov Arkhangel'skoy oblasti)* [Sending of criminal cases for additional investigation in the context of the development of adversarial proceedings (review of judicial practice of district courts of Arkhangelsk Oblast)]. *Yuridicheskaya praktika: Informatsionnyy byulleten'*. 1 (28). pp. 33–65; 2 (29). pp. 79–94.
41. Ivenskiy, A.I. (2006) *Prigovor – akt pravosudiya, osushchestvlyаемого v obshchem i osobom poryadkakh sudebnogo razbiratel'stva* [The verdict as an act of justice carried out in the general and special procedures of judicial proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
42. Lupinskaya, P.A. (2010) *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. Moscow: Norma; Infra-M.
43. Bozrov, V.M. & Kostovskaya, N.V. (2013) *Sudebnoe reshenie i otsenka dokazatel'stv po ugovnomu delu* [Judgment and evaluation of evidence in a criminal case]. Moscow: Yurlitinform.
44. Ryabinina, T.K. (2017) *Polnomochiya suda na stadii naznacheniya sudebnogo zasedaniya kak sredstva realizatsii sudebnoy vlasti* [Powers of the court at the stage of appointment of a court session as a means of exercising judicial power]. Moscow: Yurlitinform.
45. Burmagin, S.V. (2005) *Vozvrashchenie ugovnykh del prokuroru v poryadke st. 237 UPK RF (kommentariy sudebnoy praktiki)* [Return of criminal cases to the prosecutor in accordance with Art. 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (commentary on judicial practice)]. *Rossiyskaya justitsiya – Russian Justitia*. 1–2. pp. 59–73.

Received: 22 October 2020